

К 60-летию народного артиста СССР Амвросия Бучмы

Выдающийся мастер сцены

Пожалуй, немного можно назвать актеров современного театра, которые бы так убедительно перевоплощались, как Амвросий Бучма. Играет ли он старого донецкого шахтера Макара Дубраву, или несчастного гуцула Миколу Задорожного, трусливого дворянского последыша Ивана Коломийцева, или социал-демократического соглашателя Исаакима Пино, — актер всегда создает предельно законченный типический образ, разделяя его в то же время ярко выраженной индивидуальной характерностью. В каждой роли — большой и малой — Бучма выступает перед зрителем как неподражаемый, самобытный мастер, захватывает зрителя вдохновенной игрой, предельной рельефностью, осязаемостью, выразительностью образа.

В том же Макаре Дубраве он великолепно раскрыл присущее советскому человеку чувство хозяина своей жизни. Стоит только вспомнить, как своеобразно играет артист один из самых ответственных кусков пьесы — «министерскую» сцену. Правильно и глубоко поняв мысль автора, расцветив ее своими актерскими находками, Бучма наполнил сцену большим внутренним содержанием. Поставив себя в положение министра, который принимает «представителей с места», Дубрава — Бучма, сохраняя внешнюю комедийность ситуации, выслушивает своих друзей с такой большой внутренней заинтересованностью, что становится совершенно ясно, насколько богат «министерским», то есть государственным, пониманием дела этот рядовой шахтер Донбасса. Раскрывая смущение Дубравы от взятой им на себя «министерской роли», Бучма вместе с тем дает зрителю почувствовать в своем герое прозрачность, требовательность и заботливость государственного мужа, которому доверено огромное дело. Как внимательно расспрашивает он своих товарищей о положении в Донбассе, как настойчиво добивается рассказа о том новом, что рождается в глубине шахт, и как придирчиво допытывается о причинах отставания, о прорывах и недостатках на отдельных шахтах!

Так, на первый взгляд проходная, сцена, глубоко осмысленная актером-новатором, стала ключевым эпизодом спектакля, его идейным стержнем. Именно в этой сцене актер раскрывает типические черты характера Макара Ивановича Дубравы — заботливого хозяина своей страны, старого шахтера-большевика, человека, наделенного государственным умом.

Другая сцена — с пиджаком погибшего сына Дубравы. В ней всего два авторских слова. Но тот, кто видел ее в исполнении Бучмы, навсегда унесет с собой потрясающую историю большого человеческого сердца. Дубрава один на сцене. Он читает записку, найденную в истрепанном пиджаке сына. В ней молодой советский патриот выражает свою преданность Родине. Вздвигаясь, повторяет Дубрава полные гордого мужества слова. В этом эпизоде вновь проявились необычайный талант Бучмы, его удивительное умение пользоваться жестом, скупым, но всегда точным, необходимым, красноречивым. В том, как Бучма смотрит на пиджак, как он трогательно его гладит, нежно прижимает к лицу, как трагически произносит: «Сын, сын... Дубрава...», проявляется святое отцовское чувство. В переживаниях Дубравы ощущается не только неимоверная боль, но и гордость за духовное мужество советского человека. Сцена с пиджаком далека от традиционного показа вневременного и внеклассового отцовского чувства. Перед зрителем во весь рост предстал не просто стра-

дающий отец, а гражданин, большевик, мужественно переносящий свое отцовское горе. В этой небольшой сценке, длящейся всего две-три минуты, Бучма достигает вершин актерского мастерства.

Поразительно достоверен во всех своих жизненных деталях образ Макара Дубравы в исполнении Амвросия Бучмы — и то, как он галантно «кокетничает» со своей женой, как строго отчитывает успокоившегося зятя, как тактично вмешивается в семейную жизнь дочери, и то, как профессионально-убедительно говорит он о всех тонкостях шахтерского дела. Человек, знающий биографию актера, возможно, подумает: Бучме здесь помогло то, что он одно время работал на донецкой шахте саночником. Конечно, жизненный опыт — великое дело. Кстати, Бучма — сын львовского железнодорожника — прошел большую и трудную школу жизни. Он был и чернорабочим, и батраком, и каменщиком, и канцеляристом, и кельнером, и шахтером, и музыкантом. И это ему весьма пригодились в его актерской деятельности. Вспомним, например, как ловко вьет Задорожный — Бучма веревку и налаживает цепь в «Украденном счастье». Умение артиста показать трудовые навыки героя придало и его Макару Дубраве еще большую жизненность и колоритность. Но главное — актер сумел исчерпывающе раскрыть большую правду образа, показать новый духовный облик советского человека, переступающего порог коммунизма.

То же самое можно сказать и о другом замечательном сценическом создании — Миколу Задорожном. Выходя из Западной Украины, Бучма было сравнительно легко найти нужные краски для обрисовки Миколы. Герой И. Франко вышел на сцене настолько жизненно правдоподобной фигурой, что это приводило в замешательство иных зрителей. В прошлом году Бучма играл Задорожного в Ровенском областном театре. На спектакле присутствовало много крестьян из окрестных сел, восторгавшихся игрой Бучмы. Среди приезжих зрителей нашлись такие, которые никак не хотели верить, что перед ними выступал актер: «Из какого села выписали вы этого гуцула?» — настойчиво допрашивали они администрацию театра. Однако не в житейском правдоподобии ценность сценического образа Миколы.

Любого, видевшего Бучму в роли Задорожного, поражает искусство, с которым артист показывает промерзшего, как бы заледеневшего

Миколу, когда тот в холодную зимнюю ночь возвращается домой с заработков. И впрямь, будто сам испытываешь холод, принесенный Миколой со двора, — настолько ощутимо артист передает физическое состояние своего персонажа. Физическая скованность Миколы не только бытовая деталь, она — символ, ключ к раскрытию души героя. Задорожный в исполнении Бучмы вырос в огромную трагедийную фигуру. Микола — маленький, несчастный человек, забитый нуждой и горем. Он тяжело мыслит и несладко говорит и весь какой-то съезжившийся, измятый, подавленный. С потрясающей силой

Бучма раскрывает это физическое и душевное опеченение героя. Тягучая, бесцветная речь, угловатые движения, тяжелый, печальный и испуганный взгляд — как характеризует все это Задорожного! Показывая социально-обусловленную скованность Миколы, артист вместе с тем дает почувствовать пробуждение его сознания. Особенно явственно это чувствуется во второй половине спектакля, после возвращения Задорожного из тюрьмы.

В «Украденном счастье» Бучма нарисовала страшную картину человеческого горя и отчаяния, создал неповторимый образ страдальца, чья жизнь сломана условиями капиталистического общества. Игра Бучмы в роли Миколы Задорожного — одно из ярчайших проявлений таланта выдающегося художника сцены, проникновенно раскрывшего жизнь человеческого духа. Недаром покойный И. М. Москвин, посмотрев Бучму в «Миколу Задорожного», сказал: «Можно его сыграть иначе, но лучше — навряд ли...».

О бучмовских пантомимах можно написать целое исследование. В «Последних» М. Горького есть сцена без слов, в которой актер раскрывает все духовное убожество полицейстера. Это — когда Коломийцев, словно мелкий воришка, роется в сумке своей жены. Вот уже где до самого дна обнажается грязная, подлая душошка этого омерзительного представителя власти имущих царской России!

Точно так же безмолвно проводит Бучма — Исааким Пино сцену с гильзами в спектакле «Заговор обреченных». Но как глубоко и метко, играя старомодным печенем, раскрывает актер политическую слепоту главаря правых социал-демократов, его слабость, интриганство, позерство.

За свою сорокапятилетнюю актерскую жизнь А. М. Бучма сыграл более двухсот ролей. Тут были герои и шуты, хозяева старой жизни и пламенные борцы за свободу, мудрецы и юродивые, старики и подростки. Однажды пришлось даже исполнить женскую роль — гадалку в популярной мелодраме М. Старицкого «Ой, не ходи, Грицю...». Особенно разнообразен был репертуар Бучмы в молодые годы, когда он работал в галицийском театре, вынужденном по кассовым соображениям ставить произведения различных жанров — от пошлой оперетки до высочайшей трагедии. Актерам этого театра приходилось выступать в драмах, операх, балетах, феериях и чуть ли даже не в цирковых представлениях.

Один и тот же исполнитель произнесил патетический монолог трагедийного героя и танцевал в балетной пантомиме. Волею-неволею вырабатывался актер универсального гланина.

Бучма также был «всеядным» актером и почти во всех своих ролях имел большой успех. Однако уже в тогда — в самом начале его сценической карьеры — вполне отчетливо проявились характерные особенности актерского дарования Бучмы — его склонность к сильным драматическим ролям, к глубоким психологическим образам. Это, конечно, не значит, что актеру чужды роли иного плана. Бучма и сейчас покоряет зрителя своей умной и тонкой игрой в комедиях.

Творческим подвигом можно назвать жизнь Бучмы в искусстве. Когда он под влиянием старшей сестры Ольги — известной актрисы львовского театра «Руська бесіда» — пришел в 1905 году заниматься в этот театр, перед удивленным директором стоял низкорослый нескладный подросток. Физические данные его, то, что называется «актерской фактурой», были явно невыигрышные.

— И вы хотите играть на сцене? — с нескрываемой иронией спросил руководитель театра.

— Хочу и буду, — уверенно ответил пятнадцатилетний подросток.

— Ну что же, попробуем. Наш театр ставит различные оперы, и нам нужны хористы...

Вот так хористом и начал свою театральную жизнь Амвросий Бучма. Большое природное дарование, беззаветная преданность сцене, требовательность, неутомимая работа над собой — все это дало возможность Бучме стать великоленным мастером сцены.

Правда, всепокоряющая жизненная правда сквозит во всех его интонациях, взглядах, жестах, позах. Он красноречив даже в паузах, в знаменитых бучмовских паузах.

Выдающийся мастер сцены и экрана (стоит вспомнить одну из его последних работ в кино — образ Тараса в «Непокоренных»), Бучма, как никто другой умеет доносить все тончайшие психологические нюансы образа. Воссоздает ли актер образ вождя, играет ли он рядового строителя коммунизма, показывает ли историческую личность, — везде и во всем Бучма неповторим в своей правдивости, простоте и доходчивости.

В последнее время Бучма объездил немало городов Украины — Одессу, Львов, Николаев, Ровно, Черновцы, Херсон, и везде он являл огромную работу с актерами и режиссерами, особенно над спектаклями, в которых выступал сам. Не могу не привести хотя бы одну фразу из письма, полученного Бучмой от актеров Николаевского русского драматического театра после его выступления там в «Украденном счастье»:

«Быть с вами на одной сценической площадке — большое счастье», — писали взволнованные актеры.

Не меньшее счастье — смотреть Бучму, наслаждаться его чудесной игрой, его исключительным мастерством. Прав был известный польский критик Роман Шидловский, когда в своей статье о триумфальных гастролях франковцев в Польше назвал Бучму «одним из лучших актеров современности». Бучма — не только актер, но и режиссер, автор многих постановок, воспитатель молодой актерской поросли.

Наш зритель ждет от него новых работ, новых сценических созданий, которые бы умножили славу украинского советского театра.

И. КИСЕЛЕВ.

КИЕВ.